

«первородная» вина самопредъявления как такового. И Вяч. Иванов в связи с Достоевским, и М. Гершензон в связи с Тургеневым вспоминают и развивают мысль Анаксимандра о том, что «индивидуумы гибнут, платя возмездие за вину своего возникновения»,⁶² а уж тем более за вину «быть и хотеть быть личностью».⁶³ Такова участь князя Мышкина. Такова судьба Базарова.

«Я хотел сделать из него лицо трагическое — тут было не до нежностей. Он честен, правдив и демократ до конца ногтей — а вы не находите в нем хороших сторон?» (П 4, 379), — удивлялся Тургенев непониманию со стороны реальных «детей» в письме к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 года. То, что не уловили молодые адресаты художественного послания, замечательно понял будущий непримиримый критик-ниспровергатель. 22 апреля (4 мая) того же года И. С. Тургенев писал Ф. М. Достоевскому в ответ на его, к сожалению, несохранившееся письмо с отзывом о романе «Отцы и дети»: «...кроме Вас и Боткина, кажется, никто не потрудился понять, что я хотел сделать. (...) ...Никто, кажется, не подозревает, что я попытался в нем представить трагическое лицо — и все толкуют: — зачем он так дурен? или — зачем он так хорош?» (П 4, 385).

Впечатление, произведенное романом «Отцы и дети» на Достоевского, явственно сказалось в его творчестве, в том числе в романе «Преступление и наказание». Правда, сказалось парадоксальным образом, так что через некоторое время Достоевский сменил милость на ненависть и от лица Степана Трофимовича Верховенского эстетически уничтожит «беспокойного и тоскующего» Базарова, с его «великим сердцем», а заодно поставит под сомнение и художественную состоятельность его создателя: «Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе (...). Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном» (10, 171).

Но Базаров словно предвидел этот выпад и заранее его парировал: «Настоящий человек тот, о котором думать нечего, а которого надобно слушаться или ненавидеть». Тургенев же парировал неприязнь к себе Достоевского, в частности, тем, что стал для него одним из сильнейших творческих раздражителей, а значит, и творческим стимулом, что со всей очевидностью, но отнюдь не так однозначно, как принято считать, проявилось в романе «Бесы».

⁶² Иванов Вяч. Указ. соч. С. 300.

⁶³ Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. М., 1919. С. 62.